

DOI: 10.25587/SVFU.2016.2.10879
УДК 398.22(=512.151)

К. В. Яданова

ГЕРОИЧЕСКОЕ СКАЗАНИЕ «КОЗЫН-ЭРКЕШ» Н. У. УЛАГАШЕВА

В научной статье рассматривается героическое сказание «Козын-Эркеш» Н. У. Улагашева и сравниваются тексты сказания в различных издательских редакциях.

Героический эпос «Козын-Эркеш» на сегодняшний день известен только в репертуаре Н. У. Улагашева. Версией эпоса «Козын-Эркеш» является более распространенное среди алтайских *кайчы* сказание «Көзүйке и Байан» (Козуйке и Байан). Алтайские героические сказания «Козын-Эркеш», «Көзүйке и Байан» по сюжету близки к казахскому эпосу «Козы-Корпеш и Баян-Слу», к башкирскому «Кузы-Курпеш и Маян-хылу», к эпосу сибирских татар «Козы-Курпеш и Баян-Сылу» и к сказаниям других тюркских народов.

В настоящей статье ставилась цель: рассмотреть и сравнить тексты сказания «Козын-Эркеш» в различных издательских редакциях. Автор приходит к выводу, что в результате литературной обработки текста сказания в некоторых изданиях убраны эпизоды о проклятии матерью сына и др., это привело к искажению содержания текста и к ослаблению конфликта матери с сыном.

Ключевые слова: алтайский фольклор, героическое сказание, «Козын-Эркеш», Н. У. Улагашев, сказитель – *кайчы*, *батыр*, варианты, версии, редакция, Республика Алтай.

К. V. Yadanova

The Heroic Epos “Kozin-Erkesh” by N. U. Ulagashev

The article discusses the heroic epos “Kozin-Erkesh” by N. U. Ulagashev and compares the legend texts in various publishing editions. Today the heroic epos is known only in the repertoire of N. U. Ulagashev. The heroic epos “Kozuyke and Bayan” is the version of the epic “Kozin-Erkesh” that is more widely spread among Altain Kaychi. The plot of the heroic epos “Kozin-Erkesh” and “Kozuyke and Bayan” is close to the plot of the kazakh epos “Kozi-Korpesh and Bayan-Slu”, to the bashkir epos “Kuzi-Kurpes and Mayan-Hilu”, to the epos of Siberian Tatars “Kozi-Kurpesh and Bayan-Silu” and to the epos of other Turkic peoples.

The aim of the article is to review and compare the texts of the heroic epos “Kozin-Erkesh” in the various publishing editions. The author concludes that as a result of literary treatment that have been removed some episodes about curse between son and mother that led to the distortion of the text content and caused conflict mitigation between them.

Key words: Altain folklore, heroic epos, “Kozin-Erkesh”, N. U. Ulagashev, storyteller – *kaichi*, *batir* (hero), variant, versions, edition, the Republic of Altai.

Введение

Героическое сказание «Козын-Эркеш» записано алтайским поэтом, прозаиком, собирателем фольклора Павлом Васильевичем Кучияком в 1939 г. от знаменитого сказителя Николая Улагашевича Улагашева [1, с. 45]. Н. У. Улагашев родился в 1861 г. в местности Кам-Тыт урочища Сары-Кокша (ныне местность Чойского района Республики Алтай) [2, с. 7]. В 15 лет он уже был известным сказителем – *кайчы*. Своими учителями-наставниками он считал: Сабака Бочонова из Паспаула (ныне село Чойского р-на РА), Кыдыра Отлыкова из местности Шава (Чойского р-на РА), Кабака Тадыжекова из местности Сылганду (ныне село Салганда Чойского р-на РА) и телеутского *кайчы* Дьайамат. Со сказителем Дьайамат

ЯДАНОВА Кузеш Владимирвна – к. филол. н., с. н. с. Научно-исследовательского института алтаистики им. С. С. Суразакова, г. Горно-Алтайск.

E-mail: kuzesh@mail.ru

YADANOVA Kuzesh Vladimirovna – Candidate of Philological Sciences, Senior Researcher of Institute of Altaistics named after S. S. Surazakov, Gorno-Altaysk.

E-mail: kuzesh@mail.ru

Н. У. Улагашев познакомился на ярмарке в с. Елей Старобардинского района (ныне Красногорский р-н Алтайского края) [2, с. 10-11; 3, с. 9-11].

Сказание «Козын-Эркеш» на сегодняшний день известен только в репертуаре Н. У. Улагашева. Версией эпоса «Козын-Эркеш» является более распространенное среди алтайских *кайчы* сказание «Көзүйке и Байан» (Козуйке и Байан) [1, с. 45]. Варианты и версии «Көзүйке и Байан» исполняли: сказочник Г. П. Алмадаков с Улаганского района Республики Алтай («Көзүйке и Байан-Ару», запись С. С. Каташа) [4], телеутские сказочники: Д. Хлопатын [5, с. 82-91], И. С. Сыркашев («Козийка и Баян-Сылу», запись С. С. Каташа) [4], М. Тыдыков («Козийка и Паян-Сулу», запись М. А. Демчиновой) [4] и мн. др. «Көзүйке» также входил в репертуар Н. У. Улагашева. Сказание записано от сказителя в 1940 г. А. Роголевой [6, с. 159-200]. Кроме Н. У. Улагашева «Көзүйке и Байан» знали сказители старшего поколения: Кабак Тадыжеков, Кыдыр Отлыков, Сабак Бочонов, которых Улагашев считал своими учителями [7, с. 92; 8, с. 74].

Алтайские героические сказания «Козын-Эркеш», «Көзүйке и Байан» по сюжету близки к казахскому эпосу «Козы-Корпеш и Баян-Слу» [9, с. 441-530; 10, с. 164-241], к башкирскому «Кузы-Курпес и Маян-хылу» [11, с. 8-30; 12, с. 221-225], к эпосу сибирских татар «Козы-Курпеш и Баян-Сылу» [13, с. 79-88] и к сказаниям др. тюркских народов.

Л. П. Потапов считал, что сходство сюжетов фольклорных произведений тюркских народов объясняется общностью их исторического прошлого: «Будучи объединены общностью исторической жизни в период господства кыпчаков, затем в Улусе Джучия (XII-XIV вв.), будущие казахские, алтайские, башкирские и др. племена в процессе общей исторической жизни и постоянного общения обладали общими фольклорными произведениями, широко бытовавшими в то время. Позднее, когда историческая судьба этих племен обособилась и дальнейшая историческая жизнь их протекала изолированно и в различной географической и этнической среде, общие фольклорные произведения продолжали жить и развиваться в различной бытовой обстановке их реальной жизни, в различных исторических условиях и дали свои варианты, которые дошли до нас в алтайской, казахской, башкирской и других редакциях» [14, с. 131].

Исследователь относит зарождение казахского эпоса «Козы-Корпеш и Баян-Слу» к XI-XII вв., а алтайские параллели сказания – к периоду XV-XVIII вв. [14, с. 132].

С. С. Каташ, проведя сравнительно-сопоставительный анализ казахских и алтайских версий сказания, приходит к выводу, что эпос «Көзүйке и Байан», в отличие от «Козын-Эркеш», более близок к казахскому «Козы-Корпеш и Баян-Слу» и выдвигает гипотезу о заимствовании текста сказания из казахского фольклора. Исследователь пишет: «Однако мы считаем, что это заимствование было не прямым, а опосредованным. Передатчиками текста оказались сибирские татары и телеуты, находившиеся в близком контакте с алтайцами и казахами» [15, с. 80; 7, с. 91].

М. П. Грязнов в своей научной статье, описывая золотые поясные бляхи с изображением «всадников под деревом» из Сибирской коллекции Петра I, найденных в XVIII в. где-то в степях между рр. Обью и Иртышом, датирует их ко времени сооружения пазырыкских курганов, т. е. к периоду V-III вв. до н. э.

Ученый-археолог считает, что изображение на паре золотых сибирских бляхах может служить почти точной иллюстрацией эпизода оживления богатыря, описанного в героическом сказании «Козын-Эркеш»: «Тополь. Под ним мёртвый Козын-Эркеш. Богатырь лежит на коленях жены Байым-Сур и верного друга Бачикай-Кара, ещё не добившихся его оживления. Здесь же кони обоих богатырей» [16, с. 28-29].

М. П. Грязнов полагает, что алтайские героические сказания сохранили более архаический облик и, по-видимому, более близки к древнему эпосу, известному нам только по нескольким случайно дошедшим до нас примерам отражения его в древнем изобразительном искусстве [16, с. 28].

Таким образом, героическое сказание «Козын-Эркеш» является одним из версий древнего сказания, бытовавшего в фольклоре многих тюркских народов.

В Восточном Казахстане вблизи р. Аягоз, недалеко от аула Тансык построен мавзолей (мазар) Козы-Корпешу и Баян-Слу, сложенный из каменных плит в виде громадной пирамиды высотой более 10 метров.

Ученый-исследователь Чокан Валиханов в 1856 г. во время путешествия к озеру Иссык-Куль посетил мазар и сделал зарисовки его внешнего вида, интерьеры и каменных изваяний

Козы-Корпеша, Баян-Слу и ее старших сестер Айтансык и Айкыз [17, с. 306-310]. Со временем каменные статуи исчезли, часть из них была вывезена в Германию [17, с. 405]. Мавзолей Козы-Корпеша и Баян-Слу считается одним из древнейших памятников в Казахстане, дошедших до нашего времени.

В настоящей статье ставилась цель: рассмотреть и сравнить тексты сказания «Козын-Эркеш» в различных издательских редакциях.

Сравнительный анализ текстов сказания «Козын-Эркеш» в различных издательских редакциях

Впервые сказание «Козын-Эркеш» (2000 стих. строк [18, с. 245]) опубликовано на языке оригинала в 1941 г. в сборнике героических сказаний, записанных от Н. У. Улагашева, «Чёрчэктёр» («Сказки»). Все тексты, вошедшие в этот сборник, литературно обработаны П. В. Кучияком: Алтай-Буучай, Ак-Тайчы, Ёскюс-Уул, Козын-Эркеш, Кёзюйке, Кёкин-Эркей, Сынару. Тексты сказаний набраны кириллицей, алтайские звуки переданы русскими буквами: напр.: *ö – ё, j – ю, j – дь* и т. д. Вступительная статья о героических сказаниях Н. У. Улагашева написана писателем, литератором А. Л. Коптеловым [6].

В том же году выходит сборник героических сказаний Н. У. Улагашева «Алтай-Буучай» в переводе на русский язык, под редакцией А. Л. Коптелова. На первый взгляд это тот же сборник сказаний «Чёрчэктёр», только на русском языке. В начале книги приводится вступительная статья А. Коптелова на русском языке: «Н. У. Улагашев и ойротский народный эпос». В сборник «Алтай-Буучай» наряду с текстами сказаний, вошедшими в «Чёрчэктёр», включены два новых сказания: «Алып-Манаш» и «Кан-Толо», также записанные от Н. У. Улагашева. Поэтические переводы текстов на русский язык осуществлены А. Смердовым, И. Мухачевым, Е. Березницким, А. Коптеловым, В. Непомнящих, Е. Стюарт [19].

В конце сборника «Алтай-Буучай», в примечании приводятся сведения о сказании «Козын-Эркеш»: «Поэма записана Павлом Кучияком, подстрочный перевод – А. Каланакова, поэтический перевод Е. Березницкого. На алтайском языке опубликована в сборнике Н. Улагашева, изданном в 1941 г., на русском языке печатается впервые» [19, с. 384]. Судя по примечанию, в сборнике «Алтай-Буучай» представлен перевод текста «Козын-Эркеш», опубликованного в 1941 г. в сборнике «Чёрчэктёр».

Перевод сказания «Козын-Эркеш» в некоторых местах произведен неточно. Например, поэтические строки: *«Јаштан ала јуулак (јаалак – К. Я.) одулу / Јети айры темир терегин / Көп чүмдеп кайлап отурды»* – «С детства укрытием становища [бывшего], / О своем железном тополе с девятью разветвлениями/ Много словословя, сказывал *кай*» [6, с. 119; перевод наш – К. Я.] переведены как: «Как память о молодости своей – / Семиствольный железный тополь / Лучшими словами воспел» [19, с. 202].

Постоянные эпические формулы, использованные в алтайском тексте, в тексте-переводе во многих местах опущены или переведены не полностью. Например, Козын-Эркеш, собираясь в поиски суженой, обращается к матери: *«Јастанарга јен эледи, / Јабынарга тон эледи, / Элден-јонног эш бедирейдим»* – «[Вместо подушки] под голову подкладывать – рукав изнасился, / [Вместо одеяла] укрываться – шуба обветшала, / Из народа-племени невесту поищу» [6, с. 122]. В переводе этот фрагмент вовсе отсутствует.

В результате сверки двух текстов сказания «Козын-Эркеш»: текста на алтайском языке, опубликованного в сборнике «Чёрчэктёр» (1941), и текста в переводе на русский язык, вышедшего в сборнике «Алтай-Буучай» (1941), нами обнаружены некоторые расхождения в их содержаниях. Мать Козын-Эркеша всячески пытается уговорить сына от поездки во владения Караты-каана, три раза перебегает ему дорогу, каждый раз превращаясь в различных зверей: в черную выдру, в черную лису, в пестрого тигра. Сын не прислушивается к уговорам матери, нарастает конфликт сына с матерью. В тексте-переводе Козын-Эркеш, сильно рассердившись на мать, проклиная ее:

Никогда не сердившийся Козын-Эркеш рассердился:
«Стыда у тебя, старая, вовсе нет.
С мужем ты всю жизнь прожила,
Теперь сына от себя не отпускаешь,

Хочешь, чтобы я с тобой состарился?!
 Пусть вся скотина твоя издохнет!
 Пусть весь народ твой погибнет!». Козын-Эркеш матери в лицо плюнул,
 Обратно к айлу ее швырнул.
 Красно-бурого коня плетью ударил.
 Где конь стоял – там следы остались,
 Куда ускакал – следов не видно
 Ак-Баш, мать богатыря,
 О железную коновязь ударились;
 Семь дней, не переставая, плакала;
 Семь дней, не просыпаясь, спала.
 На восьмой день она увидела:
 Десять мертвых богатырей
 У очага лежат,
 Шестьдесят мертвых богатырей
 За дверьми айла лежат.
 В живых ни одного человека не осталось,
 Ни одной скотины не сохранилось» [19, с. 207-208].

После того, как проклятие сына исполнилось, мать проклинает сына. А. Л. Коптелов об этом эпизоде пишет: «В нашей поэме мать, боясь потерять сына, пыталась остановить его и удержать от этой, по ее мнению, безумной затеи. Жестоко оскорбленная сыном, она произносит свое проклятие. Это едва ли не единственный в ойротском (в алтайском – К. Я.) фольклоре обостренный конфликт между матерью и сыном. Как правило, богатыри относятся к своим родителям с большой любовью, уважением, преданностью» [19, с. 385].

В алтайском тексте эпизод проклятия Козын-Эркешем матери отсутствует, вместо этого *батыр* говорит:

«Ат ѓлбѓскѓ, алтын эмес
 Эр ѓлбѓскѓ, мѓнкѓ эмес!
 Караты-кааннын колынан ѓлзѓм,
 Кунукпагар, энем,
 Кайран слерге ойто келзем,
 Азырап отургайым жажына.
 Јаш менин јолымды
 Ненин учун бектедигер?
 Јангыс баланын санаазын
 Не бѓдѓрбеске туругар?
 Катап јолымды бектебегер,
 Каргап јаман айтпагар» –
 Калганчыда Козын-Эркеш
 Энезине онойдо айдала,
 Кызыл-конгыр адына минди.
 Турган изи бар болды,
 Барган јери јок болды.

«Конь не золото, чтобы не умирать,
 Мужчина не вечен, чтобы не умирать!
 Если от руки Караты-каана я умру,
 Не печальтесь, матушка моя,
 Если милой к вам назад я вернусь,
 То вас всю жизнь буду кормить я.
 Молодому мне путь
 Почему преградили?
 Желание единственного дитя
 Почему не хотите исполнить?
 Снова мой путь не преграждайте,
Проклиная, плохого не говорите» –
 Напоследок Козын-Эркеш
 Матери так сказав,
 На красно-рыжего коня своего сел.
 [На месте], где стоял, следы остались,
 В какую землю уехал неизвестно было.

[6, с. 123-124; перевод наш – К. Я.].

Возникает вопрос: почему текст оригинала и текст перевода в этом месте расходятся? А. Л. Коптелов в примечании к тексту сказания упоминает, что от Н. У. Улагашева записан вариант эпизода и приводит фрагмент из алтайского текста, переведенный на русский язык (отрывок из текста оригинала представлен нами выше). Исследователь далее пишет: «Но при этом варианте становится не понятным крайний гнев матери, завершившийся проклятием своего сына» [19, с. 385].

Не имея под рукой рукописного текста на языке оригинала, записанного П. В. Кучияком от Н. У. Улагашева, трудно что-либо предположить о тексте сказания. По-видимому, текст эпоса,

опубликованный на алтайском языке, был литературно обработан П. В. Кучияком, поэтому имеются расхождения с текстом-переводом. Вероятно, П. В. Кучияк решил в алтайском тексте убрать эпизод проклятия Козын-Эркешем матери и заменить на другой более смягченный вариант конфликта сына с матерью. Очевидно, А. Каланаковым сделан подстрочный перевод литературно не обработанного рукописного текста сказания, который затем был переложен на поэтический лад Е. Березницким. Поэтому в переводе сохранился эпизод о проклятии батыром матери, который в литературно обработанном тексте на языке оригинала был убран и заменен на более «смягченный» вариант.

Эпизод проклятия матерью сына присутствует в обеих редакциях:

Уулынын кийнинен тенип басты.

Јети ӧзӧктин белтирине

Јеекен арал деп аралга једеле,

Кара кӧмӱр табал,

Эмчегинин сӱдин саайла,

Уулынын кийнинен каргап чачты:

«Барган изин бар болзын,

«Ојто изин јок болзын.

Караты-Кааннын колынан ӧл

Кара кускуннын јеми бол!»

Онон ары Ак-Баш эмеген

Јеекен аралга тенип берди.

Јерден, суунан јемзене берди...

[6, с. 124]

Ак-Баш вслед за сыном пошла.

Около устья семи рек,

На опушке густого леса

Черный уголь отыскала,

Молоком из груди своей

Черный уголь она смочила,

На дорогу сына бросила.

«Удаляющийся след пусть останется

Обратного следа пусть не будет.

От руки Караты-кана умри,

Пищей черного ворона стань».

Ак-Баш, старая мать,

В густой лес, шатаясь, пошла,

Кореньями трав питаться стала,

Холодную воду стала пить. [19, с. 208]

В этом фрагменте описан древний обряд, который проводился для эффективности проклятия. Н. Шатинова, рассматривая разновидности заклинаний в алтайском фольклоре, отмечает, что с целью усиления действенности слов женщина подкрепляла проклятия брызганьем молока из своей груди в сторону недруга. Вероятно, женскому молоку придавалось сверхъестественное значение [20, с. 99].

Эпизод проклятия матерью сына всплывает в конце сказания, в сцене оживления героя, который имеется в обеих редакциях. Пастух, *батыр* Караты-каана, Кодур-Уул, убивает Козын-Эркеша; Байым-Сур, хитростью расправившись с Кодур-Уулом, пытается оживить Козын-Эркеша. Не в силах воскресить любимого, Байым-Сур, потеряв покой, днями и ночами стелает в отчаянии. Вдруг появляется седой старик – отец *батыра*, пытается воскресить сына, но безуспешно. Седой старик сообщает: «проклятие матери видно сильно». Появляется старушка-мать, повторно проклинает сына и исчезает. Байым-Сур оживляет Козын-Эркеша с помощью ножа, с которым связана жизнь героя [6, с. 150-151; 19, с. 233-234].

В сказании «Козын-Эркеш» конфликт матери с сыном сильно заострен, мать становится заклятым врагом сына. На наш взгляд, эпизоды взаимных проклятий сына и матери не мотивированы. Вероятно, в изначальных вариантах древнего сказания эпизод проклятия принадлежал другим героям, в других мотивированных ситуациях. По-видимому, в алтайском сказании «Козын-Эркеш» древний мотив проклинания сохранился, но был привнесен в конфликт матери с сыном. Для уяснения причины мотива проклятий необходим подробный сравнительно-сопоставительный анализ всех известных на сегодняшний день в фольклоре тюркских народов вариантов и версий сказания «Козын-Эркеш».

Несоответствия в содержании двух редакций встречаются и в эпизоде пира во дворце Караты-каана. Козын-Эркеш, приняв приглашение тестя, собирается в ставку хана. Байым-Сур просит, чтобы *батыр* не пил отравленной молочной водки – *аракы*, а выливал в кожаный сосуд – *тажур*, спрятанный у него за пазухой. В тексте-перевод: «Байым-Сур красавица / В красную ниточку превратилась, / В колечко свернувшись, / На груди богатыря спряталась» [19, с. 221]. В алтайском тексте Козын-Эркеш, попрощавшись с Байым-Сур, едет на пир один.

Далее в тексте-переводе говорится, что во время пира: «Козын-Эркеш богатырь / Желтый яд незаметно / За пазуху выливал, / Каждый раз губы кривил, / Будто аракa горькой ему

казалась. / Байым-Сур, красной ниточкой / На груди его затаившись, / Ташаур ему подставляла [19, с. 223]. В алтайской редакции Козын-Эркеш, по-видимому, с помощью колдовства «закрыв глаза» присутствующим, переливал отравленную водку – *аракы* в *тажур*, спрятанный за пазухой: «Козын-Эркеш чөбчөйдй алып, / **Отурган улустыг кёзин бёктөп**, / Күмүш чөбчөйдөдги сары коронды / Койынындагы тажуурга уруп ийет. / Ичкен болуп чырайын ку[б]ултат, / **Отурган улустар нени де билбейт**». – «Козын-Эркеш чашу – чөчөй взяв, / **Сидящим людям глаза закрыв**, / В серебряной чаше желтый яд / В *тажур*, [спрятанный] за пазухой, перелил, / Сделав вид, что выпил, в лице изменился, / Сидящие люди ничего не подозревают» [6, с. 139; перевод наш – К. Я.].

Возможно, П. В. Кучияк, литературно обрабатывая текст сказания на языке оригинала, решил убрать фрагмент о превращении Байым-Сур в «красную ниточку» и о ее помощи Козын-Эркешу во время пира в ставке хана. Превращение Байым-Сур в какой-нибудь чудесный предмет вполне возможно, т. к. в тексте сказания в обоих редакциях в дальнейшем действии сюжета она спасает героя, превратившись в мышку. Козын-Эркеш также обладает способностями оборотничества: обернувшись в паршивого, неприглядного бедняка *тастаракая*, появляется в ставке Караты-каана.

В конце сказания Козын-Эркеш с прекрасной Байым-Сур и братом Бачыкай-Кара, уничтожив войска Караты-каана и победив злобного хана, забирает весь его скот и народ, чудесным способом помещает их в карман. По дороге Козын-Эркеш берет горсть песка и, бросая в сторону владений Караты-каана, произносит заклинание: «*Кара сагышту Караты-Кааннын / Јерин, јуртын јаба түш, / Тынду неме артырба! / Ончо јерин бёктөп кой!*». – «С черными мыслями Караты-каана / К земле, к становищу пристань, / В живых никого не оставляй! / Всю землю покрой!» [6, с. 156; перевод наш – К. Я.].

В переводе сказания слова заклинания не приведены, только говорится, что «Козын-Эркеш богатырь / Горсть песка взял, / Через плечо далеко бросил» [19, с. 239].

Заключение

Таким образом, героическое сказание «Козын-Эркеш» насыщено древними формами заклинаний, проклятий. По-видимому, первые редакции сказания (на алтайском и русском языках) готовились по рукописному тексту на языке оригинала. К сожалению, нам неизвестно о судьбе рукописного архива П. В. Кучияка.

Писательница А. Л. Гарф, некоторое время совместно работавшая в Горном Алтае с П. В. Кучияк, в своих воспоминаниях о нем пишет, что Павел Васильевич не оставлял копий своих работ, которых посылал в издательство. «Рукописи, сданные в Западно-Сибирское книжное издательство, потерялись у переводчиков, а в краевом издательстве в Барнауле сгорели. Рукописи, отправленные в Москву в Гослитиздат, неизвестно где находятся, их не могли разыскать до сих пор» [21, с. 59]. П. В. Кучияк кроме сбора и публикации фольклорных материалов, плодотворно занимался и литературной деятельностью. В известных литературных издательствах вышли в свет сборники прозаических и стихотворных произведений поэта-писателя на алтайском и русском языках.

А. Л. Гарф вспоминает о том, как П. В. Кучияк производил записи фольклорных материалов. Большую часть сказаний писатель запоминал и записывал их позже, по возвращении домой. «И записывал он наилучшие варианты. И всякий раз этот отбор был настолько убедителен, что даже Улагашев, весьма придирчивый исполнитель, не прощавший ошибок, оставался доволен записями, сделанными Кучияком по памяти» [21, с. 60].

П. В. Кучияк был сыном шамана и внуком известных на Алтае сказителей: Ш. Шунекова и Б. Кучияковой, с детства знал многие сказания и обладал импровизаторским талантом [22, с. 10].

Возможно, П. В. Кучияк, слушая сказание «Козын-Эркеш» в исполнении Н. У. Улагашева, делал кое-какие наброски; обладая феноменальной памятью, запоминал и затем через некоторое время восстанавливал текст сказания по памяти и перекладывал на бумагу.

Героический эпос «Козын-Эркеш», опубликованный на языке оригинала в 1941 г. в сборнике «Чөрчөктөр», в числе других сказаний Н. У. Улагашева в 1959 г. был переиздан во втором томе серии «Алтай баатырлар» («Алтайские богатыри»). Составитель тома – доктор, профессор,

фольклорист С. С. Суразаков. В редакционную коллегию издания входили: С. С. Суразаков, С. С. Каташ, В. С. Кыпчаков [23].

Во второй редакции алтайский текст сказания также претерпел литературную обработку, в некоторых местах, по-видимому, по усмотрению редакторов были опущены стихотворные строки, части из эпизодов сказания. Эпизоды проклятия матерью сына вовсе убраны. В конце сказания во фрагменте оживления Козын-Эркеша удалены отрывки о появлении седого старика – отца *батыра* с целью воскрешения сына и о появлении старушки-матери. В первом издании (1941) *батыр* Бачыкай-Кара, брат Козын-Эркеша, два раза делает попытки оживить героя: Бачыкай-Кара в первый раз машет перед Козын-Эркешем белым платком, обладающей чудодейственной силой, но *батыр* полностью не исцелился, тогда Бачыкай-Кара едет искать другие целебные лекарства; через некоторое время возвращается с целебной водой – *аржан* и чудесными лекарствами. В издании 1959 г. приведен только отрывок первой попытки оживления Козын-Эркеша *батыром* Бачыкай-Кара, о поиске Бачыкай-Кара целебных лекарств не упоминается.

Далее, в повторном издании пропущены: фрагменты о том, как Козын-Эркеш, расправившись с Караты-кааном, чудесным способом поместил в кармане народ и скот хана, эпизод заклинания Козын-Эркешем владений Караты-каана.

Таким образом, во второй редакции (1959) текст сказания «Козын-Эркеш» на языке оригинала претерпел существенные изменения: убраны эпизоды проклятия матерью сына, что привело к ослаблению конфликта матери с сыном; сокращена сцена оживления героя (не упоминается о появлении покойного отца *батыра*, о появлении матери, о поездке Бачыкай-Кара за целебными лекарствами), из текста опущены отрывки о том, как *батыр* чудесным способом поместил в кармане скот и людей Караты-каана, о заклятии героем владений Караты-каана; прослеживаются и другие небольшие пропуски стихотворных строк.

Что касается языка текста сказания, то П. В. Кучияк, готовя текст к первому изданию (1941), очевидно, тубаларский диалект, на котором исполнял сказитель Н. У. Улагашев, максимально приблизил к литературному алтайскому языку. Во втором издании (1959) редакторы исправили несколько диалектных слов на общепринятые литературные слова: *карган* – *карыган* («старый»; «старик»), *жулак оду* – *жаалак оду* («стан под прикрытием»), *тугаай* – *жараиш* («красивый»; «красавица») и т. д.

В 1985 г. сказания Н. У. Улагашева, вошедшие во второй том серии алтайских богатырских сказаний «Алтай баатырлар» (1959), были переизданы на алтайском языке в сборнике «Алып-Манах». Сказание «Козын-Эркеш» было переиздано в том же варианте, без каких-либо изменений [24].

В 2006 г. «Козын-Эркеш» наряду с другими сказаниями Н. У. Улагашева также переиздан без изменений на языке оригинала в сборнике «Баатырлар» («Богатыри») [25].

Таким образом, героическое сказание «Козын-Эркеш» на алтайском языке издавалось четыре раза: в 1941, 1959, 1985 и 2006 гг., в переводе на русский язык издано в 1941 г. На сегодняшний день имеется единственный перевод сказания на русском языке – поэтический перевод Е. Березницкого [19].

Литература

1. Каташ С. С. «Козын-Эркеш» и «Козы-Корпеш и Баян-Слу» (К вопросу сопоставительного изучения алтайского и казахского эпоса). Ученые записки Горно-Алтайского научно-исследовательского института истории, языка и литературы. – Вып. 2. – Горно-Алтайск, 1958. – С. 39-54.
2. Коптелов А. Н. У. Улагашев ле ойрот албатынын эпозы // Улагашев Н. У. Чёрчэктёр. Ойрот албатынын эпозы. – Ойрот-Тура, 1941. – С. 7-22. – на алт. яз.
3. Коптелов А. Н. У. Улагашев и ойротский народный эпос // Улагашев Н. У. Алтай-Бучай. Ойротский народный эпос / под ред. А. Коптелова. – Новосибирск, 1941. – С. 5-50.
4. Архив ИАРА – архив института алтаистики им. С. С. Суразакова Республики Алтай.
5. Телеутские материалы, собраны Г. М. Токмашовым // Труды Томского общества изучения Сибири. – III т. Вып. 1. – Томск, 1915. – С. 82-91.
6. Улагашев Н. У. Чёрчэктёр. Ойрот албатынын эпозы. – Ойрот-Тура, 1941. – 239 с. – на алт. яз.

7. Каташ С. С. Алтайские варианты эпоса «Козы-Корпеш и Баян-Слу» // Народный эпос «Кузы-Курпес и Маян-Хылу»: сборник статей / под ред. А. Н. Киреева и А. И. Харисова. – Уфа, 1964. – С. 89-97.
8. Каташ С. С. Алтайские варианты казахского эпоса «Козы-Корпеш и Баян-Слу» // Ученые записки Горно-Алтайского научно-исследовательского института истории, языка и литературы. – Вып. 4. – Горно-Алтайск, 1961. – С. 73-90.
9. Казахский эпос / под ред. И. Сельвинского. – Алма-Ата, 1958. – 667 с.
10. Козы-Корпеш и Баян-сулу. Кыз-Жибек: Казахский романтический эпос / отв. ред. С. С. Кирабаев, Е. А. Поцелуевский. – М., 2003. – 439 с.
11. Харисов А. И. Башкирская народная поэма в русском издании 1812 г. // Народный эпос «Кузы-Курпес и Маян-Хылу»: сборник статей / под ред. А. Н. Киреева и А. И. Харисова. – Уфа, 1964. – С. 8-30.
12. Хусаинова Г. Р. Башкирский эпос «Кузыкурпяс и Маянхылуу» в современном бытовании // Якутский героический эпос олонхо – шедевр устного и нематериального наследия человечества в контексте эпосов народов мира: материалы Международной научной конференции (Якутск, 18-20 июня 2013 г.). – Якутск, 2014. – С. 221-225.
13. Ярмухаметов Х. Х. Сказание «Козы-Курпеш и Баян-Сылу» в устном творчестве сибирских татар // Народный эпос «Кузы-Курпес и Маян-Хылу»: сборник статей / под ред. А. Н. Киреева и А. И. Харисова. – Уфа, 1964. – С. 79-88.
14. Потапов Л. П. Героический эпос алтайцев // Советская этнография. – 1949. – № 1. – С. 110-132.
15. Каташ С. С. Мудрость всегда современна. Статьи об алтайском фольклоре. – Горно-Алтайск, 1984. – 128 с.
16. Грязнов М. П. Древнейшие памятники героического эпоса народов Южной Сибири // АСГЭ. – Вып. 3. – Ленинград, 1961. – С. 7-31.
17. Валиханов Ч. Ч. Собрание сочинений в пяти томах / Сост. Басин В. Я., Ерофеева И. В. – Т. 1. – Алма-Ата, 1984. – 432 с.
18. Суразаков С. С. Алтайский героический эпос. – Москва, 1985. – 256 с.
19. Улагашев Н. У. Алтай-Бучай. Ойротский народный эпос / под ред. А. Коптелова. – Новосибирск, 1941. – 407 с.
20. Шатинова Н. Об одной разновидности заклинаний в алтайском фольклоре (К постановке вопроса) / Улагашевские чтения. – Вып. 1. – Горно-Алтайск, 1979. – С. 94-103.
21. Гарф А. Л. Ийт-Кулак – Собачье ухо // Павел Кучияк. Воспоминания. Дневники. Письма / сост. З. С. Казагачева. – Горно-Алтайск, 1979. – С. 52-71.
22. Конунов А. А. Стилизовое варьирование в героических сказаниях Н. Улагашева (на фоне алтайской эпической традиции). – Горно-Алтайск, 2012. – 184 с.
23. Алтай баатырлар / сост. С. С. Суразаков. – Т. II. – Горно-Алтайск, 1959. – 340 с. – на алт. яз.
24. Улагашев Н. У. Алып-Манах: Алтайские героические сказания / сост. З. Шинжина. – Горно-Алтайск, 1985. – 392 с. – на алт. яз.
25. Улагашев Н. Баатырлар / под ред. Б. Я. Бедюрова, И. И. Белекова, С. Б. Каинчина, Б. В. Кортана и др. – Горно-Алтайск, 2006. – 659 с. – на алт. яз.

References

1. Katash S. S. “Kozyn-Jerkesh” i “Kozy-Korpesh i Bajan-Slu” (K voprosu sopostavitel’nogo izucheniya altajskogo i kazahskogo jeposa). Uchenye zapiski Gorno-Altajskogo nauchno-issledovatel’skogo instituta istorii, jazyka i literatury. – Vyp. 2. – Gorno-Altajsk, 1958. – S. 39-54.
2. Koptelov A. N. U. Ulagashev le ojrot albatynun jepozy // Ulagashev N. U. Chjorchjoktjor. Ojrot albatynun jepozy. – Ojrot-Tura, 1941. – S. 7-22. – na alt. jaz.
3. Koptelov A. N. U. Ulagashev i ojrotskij narodnyj jepos // Ulagashev N. U. Altaj-Buchaj. Ojrotskij narodnyj jepos / pod red. A. Koptelova. – Novosibirsk, 1941. – S. 5-50.
4. Arhiv IARA – arhiv instituta altaistiki im. S. S. Surazakova Respubliki Altaj.
5. Teleutskie materialy, sobrany G. M. Tokmashovym // Trudy Tomskego obshhestva izucheniya Sibiri. – III t. Vyp. 1. – Tomsk, 1915. – S. 82-91.
6. Ulagashev N. U. Chjorchjoktjor. Ojrot albatynun jepozy. – Ojrot-Tura, 1941. – 239 s. – na alt. jaz.
7. Katash S. S. Altajskie varianty jeposa “Kozy-Korpesh i Bajan-Slu” // Narodnyj jepos “Kuzy-Kurpes i Majan-Hylu”. (Sbornik statej) / pod red. A. N. Kireeva i A. I. Harisova. – Ufa, 1964. – S. 89-97.

8. Katash S. S. Altajskie varianty kazahskogo jeposa “Kozy-Korpesh i Bajan-Slu” // *Uchenye zapiski Gorno-Altajskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta istorii, jazyka i literatury*. – Vyp. 4. – Gorno-Altajsk, 1961. – S. 73-90.
9. Kazahskij jepos / pod red. I. Sel'vinskogo. – Alma-Ata, 1958. – 667 s.
10. Kozy-Korpesh i Bajan-sulu. Kyz-Zhibek: Kazahskij romanticheskij jepos / otv. red. S. S. Kirabaev, E. A. Poceluevskij. – M., 2003. – 439 s.
11. Harisov A. I. Bashkirskaja narodnaja pojema v russkom izdanii 1812 g. // *Narodnyj jepos “Kuzy-Kurpes i Majan-Hylu”*. (Sbornik statej) / pod red. A. N. Kireeva i A. I. Harisova. – Ufa, 1964. – S. 8-30.
12. Husainova G. R. Bashkirskij jepos “Kuzyjkurpjas i Majanhylyu” v sovremennom bytovanii // *Jakutskij geroicheskij jepos olonho – shedevr usnogo i nematerial'nogo nasledija chelovechestva v kontekste jeposov narodov mira: materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (Jakutsk, 18-20 ijunya 2013 g.)*. – Jakutsk, 2014. – S. 221-225.
13. Jarmuhametov H. H. Skazanie “Kozy-Kurpes i Bajan-Sylu” v ustnom tvorchestve sibirskih tatar // *Narodnyj jepos “Kuzy-Kurpes i Majan-Hylu”*. (Sbornik statej) / pod red. A. N. Kireeva i A. I. Harisova. – Ufa, 1964. – S. 79-88.
14. Potapov L. P. Geroicheskij jepos altajcev // *Sovetskaja jetnografija*. – № 1. – M., 1949. – S. 110-132.
15. Katash S. S. Mudrost' vseгда sovremenna. Stat'i ob altajskom fol'klore. – Gorno-Altajsk, 1984. – 128 s.
16. Grjaznov M. P. Drevnejšie pamjatniki geroicheskogo jeposa narodov Juzhnoj Sibiri // *ASGJe*. – Vyp. 3. – L., 1961. – S. 7-31.
17. Valihanov Ch. Ch. Sbranie sochinenij v pjati tomah / sost. Basin V. Ja., Erofeeva I. V. – T. 1. – Alma-Ata, 1984. – 432 s.
18. Surazakov S. S. Altajskij geroicheskij jepos. – M., 1985. – 256 s.
19. Ulagashev N. U. Altaj-Buchaj. Ojrotskij narodnyj jepos / pod red. A. Koptelova. – Novosibirsk, 1941. – 407 s.
20. Shatinova N. Ob odnoj raznovidnosti zaklinanij v altajskom fol'klore (k postanovke voprosa) / *Ulagashevskie chtenija*. – Vyp. 1. – Gorno-Altajsk, 1979. – S. 94-103.
21. Garf A. L. Ijt-Kulak – Sobach'e uho // Pavel Kuchijak. Vospominanija. Dnevnik. Pis'ma / sost. Z. S. Kazagacheva. – Gorno-Altajsk, 1979. – S. 52-71.
22. Konunov A. A. Stilevoe var'irovanie v geroicheskikh skazanijah N. Ulagasheva (na fone altajskoj jepicheskoi tradicii). – Gorno-Altajsk, 2012. – 184 s.
23. Altaj baatylar / sost. S. S. Surazakov. – T. II. – Gorno-Altajsk, 1959. – 340 s. – na alt. jaz.
24. Ulagashev N. U. Ayp-Manash: Altajskie geroicheskie skazanija / sost. Z. Shinzhina. – Gorno-Altajsk, 1985. – 392 s. – na alt. jaz.
25. Ulagashev N. Baatylar / pod red. B. Ja. Bedjurova, I. I. Belekova, S. B. Kainchina, B. V. Kortina i dr. – Gorno-Altajsk, 2006. – 659 s. – na alt. jaz.

